

Лейкин Николай Александрович

Кусок хлеба

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Кусок хлеба: Повесть / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 128 с.

ISBN 978-5-519-92942-4

ISBN 978-5-519-92942-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КУСОКЪ ХЛѢБА.

П о в ѣ с т ь.

I.

Было зимнее сѣрое утро. Была гололедица. На обледенѣвшіе тротуары и торцы Невского проспекта надалѣ не то снѣгъ, не то градъ, и тотчасъ же сдувался вѣтромъ. Съ полчаса тому назадъ только-что пришелъ московскій поѣздъ желѣзной дороги. Пассажиры всѣхъ трехъ классовъ успѣли уже разбрестись и разѣхаться по гостиницамъ, по постоялымъ дворамъ, по землякамъ. Ругаясь, отѣзжали отъ вокзала извозчики, не доставшіе сѣдоковъ; ругаясь, отходили разныя квартирныя хозяйки, не залучившія къ себѣ постояльцевъ. На Лиговскомъ мосту, у Знаменской церкви стоялъ приземистый, худой мужикъ съ всеключенной бородой. Онъ былъ въ дырявомъ полушубкѣ, рваной шапекѣ, изъ кото-

рой мѣстами выглядывала вата, и въ лаптяхъ. Черезъ плечо у него былъ перекинутъ пестрядинный мѣшокъ. Мужикъ тоже съ полчаса только-что пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Онъ уже съ четверть часа стоялъ на одномъ мѣстѣ, робко переминался съ ноги на ногу, робко смотрѣлъ на прохожихъ и чуть ли не въ пятый разъ принимался креститься на Знаменскую церковь. Вокругъ его совершалось обычное теченіе петербургской жизни. Пробѣгали рысаки, влячи, промчался вагонъ конножелѣзной дороги, провезли покойниковъ на розвальняхъ и дрогахъ, городской съ книгой подъ-мышкой провелъ въ участокъ какого-то оборванца безъ шляпы и въ одномъ сапогѣ, прошли подъ конвоемъ, гремя цѣпами, арестанты, пробѣжали въ баню, размахивая руками и узелками и чуть не сшибая съ ногъ прохожихъ, солдаты,—а мужикъ все стоялъ и переминался съ ноги на ногу. Въ ушахъ его такъ и гудѣло. Слышались брань крѣпчиковъ на лошадей, тащащихъ кибиты, ящики и булы, завываніе вѣтра, удары извозчичьихъ кнутовъ о спины влячъ и грохотъ колесъ о промерзшіе торцы и мостовую.

Съ мужикомъ поровнялась женщина въ платкѣ и салопѣ, съ кулькомъ въ рукахъ. Мужикъ, ви-

димо, на что-то рѣшился и подошелъ къ женщинѣ.

— Миленькая, не во гнѣвъ вамъ... погодьте... — проговорилъ онъ и передвинулъ шапку со лба на затылокъ.

Женщина остановилась. Мужикъ распахнулъ полушубокъ, подѣлъ въ карманъ портовъ и вытащилъ оттуда засаленную бумажку.

— Ежели грамотѣ знаете, такъ прочтите, что тутъ прописано?..

— Нѣтъ, мы не обучены. Да ты бы у мужчинъ попросилъ. Эво сколько! Не здѣшній, что ли?

— Нѣту-ти, родная. Мы, значить, тверскіе... Сейчасъ только съ чугулки.

— У мужчинъ спроси...—добавила женщина и пошла своей дорогой.

Немного погода, мужикъ остановилъ какую-то дубленку, повидимому кучера, въ валенкахъ, кошачьей шапкѣ и желтыхъ рукавицахъ.

— Землякъ, вы неграмотные будете?—спросилъ онъ его.

— А что?

— Да вотъ, что тутъ прописано?.. Земляка да дочку сыскать надо.

Дубленый тулупъ взялъ записку, повертѣлъ ее въ рукахъ, почесалъ у себя въ затылкѣ и началъ

про себя складывать буквы. Мужикъ стоялъ и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Проходившій мимо мальчишка съ корзинкой, надѣтой на голову на подобіе кибитки, и въ запачканномъ кровью передникѣ—должно быть изъ мясной лавки—тоже остановился и изъ-за плеча дубленого тулупа заглянулъ въ записку. Тулупъ нахмурился и ско-силъ на мальчишку глаза.

— Ты грамотный, что ли?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, дяденька...

— Такъ что жъ носъ-то суешь? Проваливай! Что немъ-то стоять!

Мальчишка понятился.

— Туго написано. Попроси у господъ. Можеть тѣ и смогутъ...—проговорилъ тулупъ, подавая мужику записку, и зашагалъ своей дорогой.

Мужикъ прошелъ нѣсколько шаговъ и хотѣлъ было попросить прочесть записку какую-то купчиху въ ковровомъ платкѣ и лисьемъ салопѣ, но та такъ и шарахнулась отъ него въ сторону. Онъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее и, погодя немного, тронулъ за капюшонъ шинели какого-то проходящаго мужчину въ шляпѣ и очкахъ. Мужчина рѣзко обернулся, обмѣрилъ глазами вланиющагося мужика съ ногъ до головы и проговорилъ: „Богъ подастъ“, но потомъ, какъ бы

опомнившись, остановился и начал читать ему наставленіе.

— Эдакій здоровый мужикъ, и просишь! Не стыдно тебѣ? Шелъ бы работать. Ъхалъ бы въ деревню, чѣмъ по Петербургу-то слоняться. Поля бы обрабатывалъ.

Мужикъ стоялъ безъ шапки и часто моргалъ глазами. Вокругъ ихъ началъ уже собираться проходящій народъ, образовывалась кучка. Замѣтивъ слушателей, мужчина въ шляпѣ и очкахъ еще болѣе воодушевился и для вящаго шикъ распахнулъ шинель. На шеѣ его блеснулъ станиславскій орденъ.

— Вотъ она, воля-то!—до кабаковъ доводитъ да до попрошайничанья!.. а тамъ и до воровства, до грабежа, до убійства!.. Ну, спрашивается, что тебѣ не сидѣлось въ деревнѣ? Нѣтъ, для простого народа еще рано волю... ему еще нужно тѣлесное наказаніе!—воскликнулъ онъ ни къ селу, ни къ городу, обращаясь уже болѣе не къ мужику, а къ возрастающей толпѣ.

— Это точно-съ...—проговорилъ какой-то мистеровой, сморкнулся въ руку и отеръ ее о чуйку.

Въ заднихъ рядахъ толпы слышалось слово „мазурикъ“. Кто-то рассказывалъ, что мужикъ „выудилъ у барина платокъ изъ кармана“. „Жел-

тый съ крапинками“, добавляла какая-то женщина, а подѣхавшій на дрожкахъ извозчикъ, взгромоздясь на линейку, кричалъ: „Такъ что жъ на него смотрѣть-то? Волоките его въ участокъ—да и дѣлу шабашъ!“

Съ другой стороны улицы городской замѣтилъ толпу и тотчасъ же явился, чтобъ разогнать ее, но, увидавъ представительную личность оратора и орденъ на его шеѣ, тотчасъ же вытянулся передъ нимъ и приложилъ подъ козырекъ.

— Въ чемъ дѣло, ваше высокоблагородіе?

— Да вотъ, попрошайничаетъ!—кивнулъ онъ на мужика.—Только ты его, любезный, не бери. Пусть его идетъ своей дорогой. Ты сдѣлай ему лучше внушеніе.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, намъ такъ невозможно...—проговорилъ городской.—Намъ вѣлѣно не допускать... Нынче строго... Проходите, господа! Проходите своей дорогой! Нечего тутъ толпиться!..—началъ онъ разгонять народъ, и какого-то глазѣющаго мастерового въ халатѣ взялъ даже за шиворотъ и пихнулъ въ сторону.

Толпа разошлась. Ораторъ, запахнувъ орденъ, зашагалъ также своей дорогой, а мужикъ съ непокрытой головой стоялъ передъ городовымъ.

— Накрывайся и ступай!—скомандовалъ городской.—Побирошничать!.. Я тебѣ покажу!..

Мужикъ шелъ прямо. Городовой слѣдовалъ за нимъ. Дойдя до угла, онъ крикнулъ мужику: „стой!“ Мужикъ остановился.

— Что въ мѣшке? Кажи!

— Пожитки, родименькій! Рубашонка, порты да хлѣбушко...Сейчасъ только съ чугулки...—говорилъ мужикъ, снова снявъ шапку и кланаясь.

Городовой посмотрѣлъ въ мѣшокъ. Въ мѣшкѣ, дѣйствительно, оказалось все то, что говорилъ мужикъ.

— Пожитки! Знаемъ мы эти пожитки-то! Сейчасъ съ чугулки и ужъ христарадничать! Такъ, братъ, не много въ Питерѣ напляшешь. За это у насъ сейчасъ по этапу, для водворенія.

Мужикъ испугался; онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Нешто я Христа ради? Боже избави, родименькій!—забормоталъ онъ.—Я баряну записку давалъ разобрать, что тамъ прописано... Во она. На, гляди. Нешто мы за тѣмъ? Мы въ Питеръ пріѣхали на заработки, за пропитаніемъ, да вотъ по этой запискѣ дочку отыскать да земляка. Разбери, родимый служивый, ради Христа.

Городовой взялъ записку и по складамъ прочелъ:—„на Лиговеѣ, домъ Харламова, крестьянка

Анна Герасимова въ услуженіи у его боголюбія, господина купца Хапова“.

— Это дочь твоя будетъ, что ли?

— Дочка, служивенькій.

— А начпортъ при тебѣ?

— При мнѣ, при мнѣ, родименькій. Въ мѣшеѣ.

— Ну, вотъ тебѣ дорога. Ступай прямо по канавѣ. Третій домъ отъ угла. Да смотри, милостыни не просить и господъ не беспокоить! Нынче насчетъ этого строго. Сейчасъ заберутъ.

Мужикъ поклонился въ поясъ, пошелъ по Лиговкѣ и долго еще шелъ съ непокрытою головою. По тротуару онъ уже боялся идти, и шелъ посреди улицы.

— Эй, ты, деревня! Сторонись! задавлю! — крикнулъ на него извозчикъ.

Мужикъ еле успѣлъ отскочить въ сторону.

На Лиговкѣ, у большого каменнаго дома, стоялъ франтоватый дворникъ въ передникѣ, фуфайкѣ и дутыхъ сапогахъ. Въ рукахъ его была метла. Онъ отгонялъ извозчиковъ, толпившихся у воротъ. По счету, домъ этотъ былъ третій отъ угла. Мужикъ остановился.

— А что, землячокъ, не здѣсь ли живетъ Анна Герасимовна?—спросилъ онъ дворника.

— Анна Герасимовна? Въ услуженіи, что ли, она?

— Да; въ услуженіи, у купца. У васъ купцы-то стоятъ?

— Мало ли у насъ купцовъ стоитъ! Какъ фамилія-то? Какъ зовутъ купца-то?

— Да вотъ тутъ у меня прописано... Грамотные?

— Намъ неграмотнымъ быть нельзя, потому — мы главные дворники...—съ достоинствомъ отвѣтилъ дворникъ и взялъ записку.—Купецъ Халповъ у насъ есть... Анна Герасимова!.. Ты пріѣзжій, что ли?

— Сейчасъ только съ чугунки.

Начались разспросы—какой губерніи, какого уѣзда, „чьихъ господъ были?“ Дворникъ оказался мужику землякомъ. Припомнились какая-то Халбаровка, какой-то Разуваевъ, кабакъ и дьячокъ-конокрадъ.

— Ну, какъ у васъ нонче хлѣба были? Плохи?.. Мужикъ вздохнулъ.

— Каки хлѣба! И не сѣяли,—отвѣчалъ онъ:—сѣмянъ не было... Почитай вся деревня разбре-лась: кто побирается, кто такъ гдѣ... Вотъ и я тоже въ Питеръ поработать пріѣхалъ. Авось,

Богъ дастъ... Не услышишь ли, землячокъ, дрова бы складывать, али колоть...

— Теперь не слыхать... А тамъ зайди. Спроси Митрофана Иванова, всякій укажетъ. Мы завсегда тутъ. Только нонче трудно насчетъ работы, потому—народу этого самого страсть что навалило.

— Что ужъ только и будетъ! Свѣтопредставленіе просто!—опять вздохнулъ мужикъ и поникъ головой.

— Анна Герасимова! Какая же это Анна Герасимова?—твердилъ дворникъ, глядя на записку.

Изъ кабака того же дома вышелъ мастеровой съ ремешкомъ на головѣ и подошелъ къ дворнику. Онъ былъ въ халатѣ, опоркахъ и чавкалъ какую-то соленую рыбу.

— Анну Герасимову разыскиваютъ. У купца Хапова! Какая такая?—спросилъ его дворникъ.

— Анютку, офицершу, нешто не знаешь? У Хапова въ нянькахъ жила...

— А, офицерша!—осклабился дворникъ.—Была Анна Герасимова, да выбыла...—обратился онъ въ мужику.

— Родня тебѣ, что ли?

— Дочка.